

КОНЦЕПТ «ТОСКА» В АРМЯНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Нет подходящих соответствий

И нет достаточных имён...

Гёте

Тоска – один из ключевых концептов русской культуры. Об *извечной русской тоске* говорится и пишется много – лингвистами, поэтами, писателями, философами. О тоске армянина – հիշի Կիրևի – тоже размышляют много. И нет армянина, в котором бы это слово не вызывало сложный комплекс эмоций, ассоциаций, воспоминаний, аллюзий. Это, безусловно, один из важнейших армянских культурных концептов. Но есть ли полное соответствие между словами *тоска* и *հիշի*? Одинаковые ли смыслы они несут в себе? Конечно же, нет. Вероятно, армянину не понять до конца тоски русского человека, также как и русскому не понять *հիշի* армянина. Владимир Одоевский в философском романе «Русские ночи» отмечал: «Мы говорим не словами, но чем-то, что находится вне слов и для чего слова служат только загадками, которые иногда, но отнюдь не постоянно, наводят нас на мысль, заставляют нас догадываться, пробуждают в нас нашу мысль, но отнюдь не выражают её...» (Одоевский: az.lib.ru). Цель нашего исследования – выявить те смыслы указанных слов, которые находятся вне их лексического значения, «мерцают», «разлиты» в контексте, бытуют в дискурсе нерасчленёнными, но в то же время необходимы для понимания. Так какие же загадки задают нам русское слово *тоска* и армянское *հիշի*? На какие мысли способны они наводить говорящего, рефлексирующего над языком?

Тайна любого концепта, как представляется нам, кроется не столько в наличии относительно большого числа семантических компонентов, сколько в характере сочетания смысловых зон. Обязательной предпосылкой преобразования лексемы в концепт является наличие в слове нескольких таких зон. В контексте может быть актуализирована только одна из них, но при этом остальные не до конца нейтрализуются и влияют на актуализируемую зону, «затуманивая» смысл слова при сло-

воупотреблении. Вероятно, это и есть обязательное условие концептуализации слова. Таким образом, чем больше смысловых зон, тем концептуальнее слово в данном языке. Самые же сильные в концептуальном отношении контексты – это те, в которых активизированы сразу все или многие смысловые зоны концепта. Для того чтобы выявить смысловые зоны того или иного слова, прежде всего необходим детальный анализ словарных толкований лексемы, её этимологическая характеристика, особенности словоупотребления и выявление тех типов контекстов, которые наиболее характерны для данного слова.

Обращаясь к лексикографическому описанию армянского слова *կարոտ* 'karot', прежде всего необходимо отметить особенности его частеречной характеристики – *կարոտ*-существительное и *կարոտ*-прилагательное в словарных статьях не расчленяются, представлены синкретично, что отражает специфику их семантики. Этимологическую основу данного слова составляет семантика корня կար 'kar' – 'нужда, необходимость'. Однако данный корень, как отмечает Р.Ачарян, не употребляется самостоятельно и представлен прежде всего в словах կարիր 'нужда' и կարևոր 'нужный, необходимый', при этом слово կարևոր имеет также производное второе значение 'любимый, близкий' (Աճառյան 1973, т.2:543). Толковые словари современного армянского языка выделяют следующие значения слова *կարոտ* – 1) желание, мечта, страсть иметь что-либо; 2) быть лишённым чего-либо; 3) лишённый чего-либо и страдающий от лишений; 4) скорбь, грусть из-за отсутствия кого-либо или чего-либо; 5) лишённый материальных средств, нищий (ԺՀԼԲԲ, см. также Աղաջան 1976). При этом выделяется также шестое значение, реализуемое наречной формой կարոտով 'karotov', – 'с любовью, с нежностью'. Лексикографические данные позволяют сделать предварительный вывод о том, что в семантической структуре рассматриваемого слова превалируют такие семантические компоненты, как 'лишение', 'желание', 'мечта', 'скорбь', 'любовь'.

Основываясь на данных толковых словарей русского языка, суммарно можно представить следующие значения русского слова *тоска* – 1) душевная тревога, уныние; 2) скука, а также что-либо скучное, неинтересное; скука, уныние, вызываемое однообразием обстановки, отсутствием интересов и т.п.; скука, смешанная с отвращением (подробнее см. в словарях Вл.Даля, Д.Н.Ушакова, С.И.Ожегова, Т.Ф.Ефремовой).

Таким образом, в семантической структуре русского слова *тоска* можно выделить следующие компоненты значения – 'тревога', 'скука'. Данные Этимологического словаря М.Фасмера позволяют несколько расширить семантическую основу слова *тоска*. Так, древнерусское слово «тъска», согласно И.И.Срезневскому, имело значения «стеснение; горе, печаль; беспокойство, волнение»; однокорневые чешские лексемы *teskny* и *tesklivý* обозначают соответственно «боязливый» и «пугливый, тоскливый». В Словаре М.Фасмера высказано также предположение о возможной связи слова *тоска* со словом *тощій*. Основываясь на указанных данных, можно предположить, что при словоупотреблении русское слово *тоска* представлено более богатой смысловой палитрой, его смыслы разнообразнее тех значений, которые зафиксированы словарями.

Более подробный анализ семантики русского слова *тоска* представлен в Новом объяснительном словаре синонимов. Во-первых, в нём дано принципиально иное общее толкование синонимов *тоска*, *уныние*, *печаль*, *грусть* – 'неприятное чувство, какое бывает, когда нет того, что человек хочет, и когда он думает, что желаемое невозможно' (Апресян <http>). При всей видимой разнице в семантике указанных синонимов именно семантический компонент 'отсутствии' является тем общим знаменателем, который позволяет говорить об этих лексемах как о синонимах. Как покажет наш дальнейший анализ, именно данный семантический компонент можно считать интегрирующим признаком, который позволяет также говорить об исследуемых нами словах как о межъязыковых синонимах, как о словах с соотносительными смыслами. Но тем не менее и при наличии общего интегрального семантического признака 'отсутствии' слова *тоска* и *հիրլի* нельзя назвать полноценными семантическими эквивалентами, словами, с лёгкостью взаимозаменяемыми при переводе.

Указанные семантические компоненты армянской и русской лексем могут стать основой для их последующего контекстуального анализа. При помощи контекстуального анализа одновременно выявляются как дополнительные, не зафиксированные словарями, семантические компоненты, так и смысловые зоны, следовательно, такой анализ одновременно способствует детализации заключённых в слове смыслов и, наоборот, их объединению, укрупнению.

Анализ контекстов употребления армянского слова *հիրլի* выявил следующие семантические компоненты – 'отсутствие (необходимого)', 'лишение', 'нужда', 'потребность'; 'мечта', 'страсть', 'желание (сильное,

страстное); 'страдание', 'мука', 'скорбь'; 'ожидание'; 'зов', 'тяга', 'влечение'; 'любовь', 'нежность'; 'память'. Однако в контекстах слово *կարոտ* актуализирует, как правило, сразу несколько смежных по семантике компонентов смысла и отличается диффузностью употребления, что делает необходимым ввести понятие *смысловой зоны* – семантического пространства, характеризующегося общим признаком и включающего пучок смежных семантических компонентов. Нами выделены следующие смысловые зоны армянского слова *կարոտ*: 1) **отсутствие** – (а) отсутствие (утрата, потеря) у субъекта чего-либо материального и потребность (нужда) иметь это, (б) отсутствие (утрата, потеря) чего-либо нематериального и потребность (нужда) иметь это; 2) **страдание** – состояние нравственного (но не физического) страдания, скорби, грусти, муки из-за отсутствия кого-чего-либо; 3) **надежда** – (а) состояние ожидания кого-либо или чего-либо отсутствующего, утраченного, потерянного; (б) мечта, страстное желание достигнуть чего-либо; (в) грёзы о чем-то, чего не имеешь, но что хочешь иметь, к чему стремишься; 4) **зов** – зов, тяга, влечение (чаще: зов родины, крови, памяти, памяти коллективной, генетической, памяти предков); 5) **любовь** – делать что-либо с любовью, с нежностью. Ср.: /1/ Ամբողջ գյուղը ջրի կարոտ է մնացել (Вся деревня нуждалась в воде) /«Առավուտ»/; /2/ Որդիական սիրով կայսվեց նրա հետ ու հասկացավ, որ այդ սիրուն ինքը կարոտ է եղել, բայց չի իմացել (нуждался в этой любви, но не знал этого) /Թարթիկյան/; /3/ Եւ կարոտով, թաց աչքերով մտավ այս գյուղը, բայց իր գալը ոչ որի չուրախացրեց (приехал в эту деревню с любовью, с надеждой) /Արամյան/; /4/ Օրը բացվում է վաղվա կարոտով / Եվ դարձյալ վաղվա կարոտով մթնում (день начинается с ожидания завтрашнего дня, возможно, со стремления к завтрашнему дню) /Միրիչանյան/; /5/ Գանչում է կրկին, կանչում անդադար / Էն ջրնադ երկրի կարոտը անքուն... (зов чудесной страны-родины, влечение к родине) /Թումանյան/; /6/ Այնուհետև մայր ու որդի նստեցին դեմ դիմաց ու սկսեցին կարոտով նայել իրար, նայում էին ու չէին կշռանում (начали с любовью смотреть друг на друга) /Շայրյան/:

В представленных текстах слово *կարոտ* в целом актуализирует только одну из свойственных ему смысловых зон, хотя и в этих, на первый взгляд, относительно однозначных случаях не приходится говорить

о полном отсутствии семантической диффузности. Так, в тексте /1/, в котором актуализирована смысловая зона 'отсутствие', речь идёт не просто об отсутствии воды и необходимости иметь её: здесь слово *կարրու* выражает также эмоциональное состояние субъекта, вызванное отсутствием воды. При этом эмоциональное состояние, именуемое словом *կարրու*, характеризуется достаточной глубиной и интенсивностью, что также является важной составляющей семантики этого слова. Текст /3/, актуализирующий смысловую зону 'любовь', одновременно с этим указывает на глубину эмоциональных переживаний героя, связанных с желанием, с теми или иными уже осуществлёнными ожиданиями, связанными с деревней. То же можно сказать и о тексте /5/ – известных строках Туманяна. Анализ контекстов показывает, что слово *կարրու* практически ни в одном контексте не способно нейтрализовывать другие, не актуализированные компоненты своего значения и тем самым устранять диффузность, что, на наш взгляд, является обязательным признаком концептуализации значения слова. В исследуемом нами корпусе текстов в большинстве случаев активизированы сразу несколько смысловых зон. Так, наиболее ярко эта способность слова *կարրու* представлена в следующем тексте: /7/ *Այսպէս սպրրու՛մ ես, անցնու՛մ է կյանքիդ ճանապարհը. հազար ու մի տխրութունների, ուրախութունների ուղեկցութեամբ, անցնու՛մ ես լալով ու ծիծաղով, անցնու՛մ են տարիները և միշտ մնու՛մ է մի բան, – միշտ մի սպասում ինչ-որ բանի ու կարուտ, անորոշ մի կարուտ, որը անուն չունի.../Մահարի/*: Автор описывает жизненный путь человека, полный разнообразных эмоций – грусти, радости, плача и смеха. Однако «всегда остаётся нечто – ожидание чего-то и тоска, неопределённая тоска, у которой нет имени». Подобный контекст типичен для слова *կարրու*, в нём трудно выделить ту смысловую зону, которая наиболее активизирована, что даёт возможность разнообразного прочтения текста, даже несмотря на наличие в нём лексемы *սպասում* 'ожидание', актуализирующей смысловую зону «надежда». Подобная диффузность усиливается языковыми средствами, выражающими неопределённость – неопределённой частицей *մի*, сочетанием неопределённого местоимения и прономинализованного слова *ինչ-որ բանի*, а также сочетаниями *անորոշ մի*, *անուն չունի*. Ср. другие примеры: /8/ *Որքան կարուտ կա Գոհարի երգում... /«Ազգ»/*; /9/ *Բն*

*խօսքերում հիմա, քո մտերիմ / Ջրույցներում և խոր, և չմարող – /
Ջարմանայի հստակ քո երգերում / Թախիժ, թախիժ կա ջինջ, անախ
կարոտ / Չարենց/; /10/ Կարոտներով հյուսված երազ / Բուրեց երգը
թախսագին / Բսահակյան/:*

Как известно, в армянском дискурсе особое место занимает тема скитальчества и тоски по родине, и именно слово *կարոտ* является носителем всего того смыслового комплекса, который передаёт в полном объёме весь спектр эмоций, связанных с тоской по родине, отношением к покинутой, утраченной родине. Это одно из наиболее концептуализированных употреблений армянского слова *կարոտ*, вбирающего в себя и скорбь по утраченной родине, и любовь к ней, и надежду, веру вновь обрести её, и мечту туда вернуться, и влечение к ней, и зов самой родины, зов предков, память. Возможно, этим обусловлен также формировавшийся веками стереотип эмоционального состояния души армянина, утратившего родину фактически, но сохранившего её в своём ментальном, эмоциональном и психическом пространстве. Таким образом, именно «дух родины», а не только характерная и естественная для каждого человека любовь к ней, является важной составляющей армянского менталитета. При этом «дух родины» предполагает не только память и негативные эмоции, связанные с её утратой, но одновременно и положительные эмоции – любовь, нежность к ней, поэтому «состояние тоски армянина» предполагает не только сочувственное отношение к субъекту, её испытывающему, но и определённое удовлетворение (отчасти восхищение) его эмоциональным состоянием, а иногда и побуждение культивировать в себе состояние тоски. Поэтому *կարոտ* для армянина – это иногда хорошо, а не плохо. Ср.: /9/ *Նա ոգեկոչեց կարոտի և հայրենաբաղձության տրամադրություն* /«Առավոտ»/; /10/ *Կարոտի զգացումը շատ թանկագին բան մըն է, կարոտը հայրենիքին նկատմամբ կօզն է մեզի կանգուն մնալու որպես հայ* /«Հայրենիքի ձայն»/; /11/ *Այդ բնագոյն է թերևս, որ պանդուխտ հայի սրտում այդքան սեր ու կարոտ է կուտակվում դեպի հեռավոր, ոչ միայն իր, այլև իր ծնողների կողմից անգամ չտեսած, միայն բաղձանքի ուժով ու երևակայությամբ գծված երկիրը* /Կապուտիկյան/; /12/ *Կոմիտասի դողացող մատների տակով հոսեց, լացի պես տաք-տաք հոսեց հեռավոր լեռների ու առուների կարոտը...* /Գալշոյան/:

Положительное восприятие эмоционального состояния *կարոտ*-а допускает употребление этого слова в контекстах с положительной оценкой, мажорной интонацией, ср.: /13/ *Դա մի քաղաք է, մի երգ է, մի պատմություն... /Երևան... դա խիհնդ է, կարոտ է, կարոտ... /Ալաջանյան/.*

Таким образом, армянскому менталитету часто свойственно не столько негативное отношение к эмоциональному состоянию тоски, сколько трепетное, бережное, сочувственное, благожелательное, ср.: /14/ *Անսահման քաղցր կարոտով նա կարդաց պրոֆեսորական կոչման արթիվ իր ընդունած այցելությունների մանրամասնությունները... /Թորոսյենց/;* /15/ *Ես իսկապես համոզվեցի, որ ռազմաճակատում գինվորը անօրինակ սխրանք է գործում ոչ միայն քաջությունից, այլև կյանքի կարոտից /Բարսեղյան/;* /16/ *Կարոտով, հարստությամբ արտասանվող հայրենի քաղաքիդ անունը /Բարայան/;* /17/ *Վերջին տարիներին նա մեծ սիրով, կարոտով և ուրաղությամբ է այցելել դպրոց «Առավոտ»/;* /18/ *Այս մասունքները ցավ են, թախիծ, բայց և մի անտակ կարոտ, ակնթարթային երջանկություն /Գյուլնազարյան/:* Положительная семантика слова *կարոտ* наиболее отчетливо проявляется в тексте /18/ в рамках противительной конструкции, «сталкивающей» отрицательную семантику слов «боль», «грусть», с одной стороны, и слов «тоска», «счастье» – с другой.

Подытоживая лингвокультурологическую характеристику армянского слова *կարոտ*, отметим, что это слово имеет сложную семантическую структуру, включающую многообразные семантические компоненты, объединённые в пять смысловых зон. В дискурсе, как правило, при актуализации одной из зон остальные зоны не способны к полной нейтрализации, они в той или иной степени активизированы и влияют на общий смысл сообщения. Именно этот факт позволяет квалифицировать слово *կարոտ* как культурный концепт, играющий чрезвычайно важную роль в армянском дискурсе, указывающий на сложное, подчас трудноопределяемое эмоциональное состояние и являющийся важной составляющей армянского менталитета, ср.: /20/ *Կարոտի հետ խաղ մի արտ. – /Արյան հոսք է կարոտ քաղք, / Մրտի, հոգու միասնություն: / Կարոտի հետ խաղ մի արտ... /Բոյաջյան/.*

Разница между армянским словом *կարոտ* и русским словом *тоска* очевидна. Лексикографические данные позволяют выделить следующие

смысловые зоны русского слова *тоска*: 1) **отсутствие** – отсутствие желаемого, интереса к чему-либо, стремления к чему-либо, скука, уныние; эмоции по утраченному, недостижимому; неудовлетворённость чем-либо, безнадежность, безысходность; 2) **страдание** – страдание, мука, скорбь, отвращение; 3) **тревога** – тревога, беспокойство, страх, угнетение, одиночество. Семантическая структура слова *тоска* содержит меньше компонентов значения и смысловых зон, нежели слово *հիշրիւմ*. При этом смысловая зона «отсутствие» по составу компонентов отличается от соответствующей зоны в структуре армянского слова: она не включает компонента 'отсутствие материального объекта', ср. сомнительное высказывание *?тоска по колбасе*. Если такое высказывание и возможно, то в этом случае слово *колбаса* может приобрести метонимическое значение 'еда' или в специфическом контексте быть воспринято как некая метафора. Данная зона русского слова включает также семантические компоненты 'скука, уныние', 'безнадежность, безысходность', не характерные для армянского слова *հիշրիւմ*, ср.: /1/ *Но в сущности здесь – страшная тоска! / Однообразно и неинтересно* (Кузмин); /2/ *Тоска в любое время года, как дребезжанье комара* (Г.Иванов). Отметим при этом, однако, что рефлексирующий над русским языком Н.Бердяев, размежёвывающий смыслы слов *тоска* и *скука*, писал: «В тоске есть надежда, в скуке – безнадежность». Специфической зоной для русского слова *тоска* является зона 'тревога'. Данный семантический компонент достаточно существенно влияет на общее значение слова, ср.: /3/ *От тоски и необъяснимой тревоги художник начал пить /Паустовский/; /4/ Весь изогнут, весь скорючен, / На лице тоска и страх, / Оловянный взор измучен, / Капли пота на висках /Брюсов/; /5/ Никто не знает, что с нашим рейсом. На лицах пассажиров раздражение и тоска. Я тоже в отчаянии /С.Вероника/.* Смысловая структура исследуемых слов более всего совпадает в зоне 'страдание', но и здесь нельзя говорить о полном соответствии смыслов. Так, в семантической структуре слова *тоска* есть компонент 'отвращение', не свойственный армянскому слову *հիշրիւմ*.

Таким образом, исследуемые слова можно охарактеризовать как слова с соотносительными смыслами, но с малым количеством совпадающих смысловых компонентов. Русское слово *тоска* чаще всего обозначает некоторое эмоциональное состояние, которое характеризуется как негативное, вызывающее чувство безысходности, безнадежности, скуки, уныния, страдания, скорби, отвращения, страха, тревоги, угнетения и одиночества.

Не случайно, что слово *тоска* часто сочетается с такими прилагательными, как *чёрная, тяжёлая, смертельная, безысходная, беспросветная, невыносимая, жуткая, звериная* (в противоположность «светлой грусти»). Можно говорить лишь об исключительных случаях сочетаемости этого слова с прилагательными положительной оценочной семантики, ср.: /6/ *Жизнь – обман с чарующей тоскою /Есенин/*. Характер сочетаемости слова *тоска* с глаголами говорит о том, что это отвлечённое понятие, вероятно, ассоциируется у носителей языка с материальным образом некоего агрессивного зверя, а также, возможно, тяжёлого и опасного предмета, ср.: *тоска съедает, свербит, грызёт, гложет, сосёт (под ложечкой), рвёт (сердце), заползает (в душу), находит, наваливается, подкатывает*, ср.: /7/ *Разлука их обоих съест, / Тоска с костями сглохнет /Пастернак/*. В контекстах часто, наряду со словом *тоска*, находятся слова с соотносимыми понятиями, также свидетельствующие о преимущественной отрицательной семантике этого слова, ср.: *тоска и урюмость, страдание, усталость, скука, страх, тревога, ужас, злоба, боль, отчаяние, раздражение, мрак, гнев, однообразие, опустошённость*.

Несколько иная сочетаемость характерна для армянского слова *իշրիւմ*, которое обозначает некоторое эмоциональное состояние, характеризующееся в одних случаях как негативное, в других же случаях как относительно позитивное. Во-первых, армянское слово чаще, чем русское выступает в контекстах без определений, соответственно круг прилагательных, сочетающихся с этим словом не столь велик. Нами исследовано более пятисот контекстов, в которых не зафиксирована сочетаемость с прилагательными отрицательной оценки. Слово *իշրիւմ* сочетается с прилагательными, обозначающими безграничность и бездонность (*անէզրախան, ինք, անսակ*); с прилагательными *старый* и *новый* (*հին, նոր, հազար տարիվա, հազարիսկի*); а также с прилагательными *сладкий* (*քիչքր*) и *яркий* (*վառ*).

Армянское слово *իշրիւմ* труднее ассоциируется с каким-либо материальным объектом – зверем или предметом, хотя и в отдельных случаях оно употребляется с глаголами *բրբռել* 'разворошить, истерзать, растормошить', *մշշել* 'подточить, разесть', *աղվել* 'шуметь, бурлить, хлокотать, будоражить', *մննչի* 'рычать, реветь', *իշրիւմ* 'шевеливаться, волноваться, прийти в смятение', *ճշի* 'кричать', но при этом уподобляется скорее природной стихии – ветру, смерчу, пламени. Однако от-

сеев/; /3/ Змний день в лесах очень короток, и вот уже синеют за окнами сумерки, и мало-помалу заползает в сердце беспричинная, смутная, настоящая **русская тоска** /Бунин/; /4/ **А русская тоска** – её ничем не избыть /Минкин/; /5/ **Русская тоска** – тоска по свободе в вечной несвободе /Самойлов/; /6/ **Водка и русская тоска** уже подвели его к грани /Шкловский/; /6/ **И эта русская тоска** в сочетании с русским «авось», по-моему, губит нас, делает всё безнадежным. Вся Россия живёт в атмосфере безнадежности. Авось сегодня-то проживём... /Молчанов/.

Тоска, являющаяся составляющей армянского менталитета, – հայի կարոտ, а чаще просто կարոտ – это извечная тоска по утраченной родине, ср.: /1/ Նրա աչքերում էր Մաիսների արտացոլումը կար և կարոտ, թախծախառն, հազարամյա կարոտ՝ հայի աչքերի անբաժան ուղեկիցը /Ավետիսյան/; /2/ Հայի պատմությունը այլ է, այլ: Անգամ այսօր նա ասում է՝ ես պանդուխտ եմ, տուն կուզեմ... Աշխարհասփյուռ է, կարոտներով, սպասումներով լի /«Գյուղատնտես»/; /3/ Ու մեր բնաշխարհի յոթնադեղ ծիածանի կամարին թող միշտ խառնվի մեր կարոտի ծիածանված գույնը /«Հայրենիքի ձայն»/; /4/ Հազար տարվա կարոտ ունի իմ երազը հազարաթև, / Ախ, թեկուզ լուռ, դեռ ավերակ տեսնեմ Անի՛ն՝ ու նոր մեռնեմ /Շիրազ/; /5/ Արարատը նյութեղենացված կարոտ է ինձ համար, որ ամեն օր աչքիս առաջ է, իր համը, իր գույնն ունի /«Ազգ»/:

Подытоживая, отметим, что русская «тоска» и армянское «կարոտ» – слова с соотносимыми смыслами, но при этом концепты, вербализующие разные состояния души, свидетельствующие о различиях в национальном менталитете. И есть у этих слов ещё одно, принципиальное, на наш взгляд, отличие – **тоска** «интравертна» и в большей мере направлена на самого субъекта, который *пребывает* в этом состоянии, иногда даже смакует его, «уходит» в него, рефлексировать над ним («Тоска в любое время года» Г.Иванов). **Կարոտ** же, наоборот, в большей мере «экстравертен» и чаще направлен на объект, вызывающий это состояние, даже если этот объект неизвестен («Այս «կարոտ» բառը ինձ ու՛ր է տանում» – Բոլորյան). И всё же эти слова объединяет нечто такое, что позволило Георгию Иванову написать такие строки: *У всего на земле есть синоним, / Патентованный ключ для любого замка, – / Ледяное, волшебное слова: Тоска.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Восточно-армянский национальный корпус // <http://www.eanc.net>
2. Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1-4. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка// <http://efremova-online.ru>
4. Национальный корпус русского языка// <http://www.ruscorpora.ru>
5. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством акад. Ю.Д.Апресяна. – Москва; Вена: ЯСК: Венский славистический альманах, 2004// http://www.ruslang.ru/agens.php?id=text_noss2_title
6. Одоевский В.Ф. Русские ночи // http://www.az.lib.ru.>0/odojevskij_w_f/text_0020.shtml
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд-ие 22-е, М.: Русский язык, 1990.
8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка // <http://www.usakovdictionary.ru>
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О.Н.Трубачёва. – М., 1964-1973. Т.1-4.
10. Աղայան Էդ. Արդի հայերենի բացատրական բառարան. – Երևան 1976.
11. Աճառյան Հր. Հայերեն արմատական բառարան. – Երևան, 1971-1979, 1-4 հ.
12. Ժամանակակից հայոց լեզվի բացատրական բառարան. 1-4 հ. – Երևան: ՀՍՄՀ ԳԱ հրատարակչություն, 1969-1980.

Ռ.Ռ. ԳՐԶԵԼՅԱՆ

«ԿԱՐՈՏ» ՀԱՄԿԱՅՈՒՅԹԸ ՀԱՅ ԵՎ ՌՈՒՍ ԼԵՉՎԱՍՏԱԿՈՒՅԹՆԵՐՈՒՄ

Անփոփում

Հոդվածը նվիրված է ոռուերեն «тоска» և հայերեն «կարոտ» բառ-հասկացությունների իմաստային շերտերի վերլուծությանը: Վերոհիշյալ բառերը ունեն ընդհանուր առմամբ զուգակցվող իմաստներ: Այդուհանդերձ, դրանց իմաստային կառուցվածքներում առկա են նաև առանձին տարրեր, որոնց շնորհիվ էլ նրանք տարբերվում են իրարից: